

Юная послушница робко вошла в полутьму кабинета, со страхом и любопытством стреляя по сторонам огромными зелёными глазницами из-под пышной золотистой чёлки, что кокетливой волной струилась из-под черного с белой окантовкой монашеского плата. Книжные шкафы тёмного дерева терялись в темноте под потолком, монументальный письменный стол втаптывал в паркет ковёр длинного ворса, тяжелые изумрудные портьеры путали остатки света в своих складках. Напротив неё, сложив руки на груди и чуть прислонившись к столу, стоял инквизитор. Лицо его было неподвижным и суровым, надменно и беспристрастно сияла белая вставка его воротника. И он не подал руку для поцелуя, что было уже совсем плохим знаком.

Тонкие, идеально наманикюренные пальчики послушницы теребили подол мини-рясы, едва прикрывавшей ягодичные складки; длинные ноги её, оплетённые чулками-сеточкой, переминались, подламываясь на двадцатисантиметровых стриптизёрских каблуках. И без того прущие из глубокого декольте её белоснежные, круглые, огромные груди при каждом взволнованном вдохе просто-таки выпирали наружу, грозя или порвать чёрный шёлк рясы, или вырваться из её плена.

Инквизитор грозно молчал.

— Монастырь полон слухами, — наконец сказал он. — Ты утонула во грехе.

— О, это ложь, святой отец! — пролепетала послушница.

— Молчать! Я вижу грех со ста метров. И ты, Лаура, погрязла в нём. Грех прёт из тебя, подобно твоей порочной плоти!!! — яростно оскалившись, инквизитор ткнул пальцем в налитые, упруго-податливые, болезненно стиснутые корсетом титьки Лауры. — И грех твой — гордыня, — он на секунду замолчал, набрал полную грудь воздуха и заорал: — Как смела ты, войдя ко мне, остаться стоять?! На колени!!!

Охнув, Лаура пала ниц, далеко вперёд выпростав руки. Изыщная спинка её прогнулась, юбка мини-рясы поползла к пояснице, обнажив очаровательные круглые ягодички, перечёркнутые узенькой тесёмочкой стрингов. Распущенные волосы выбились из-под платка и рассыпались по спине, сияя золотом на чёрном шелке, распластавшиеся о пол огромные груди аппетитно выпирали по бокам стройного тела. Скуля и плача, девушка колотилась о пол лбом.

— Грешница! Грешница! Грешница! — грохотал сверху инквизитор, неторопливо обходя распростёртое тело. Оказавшись сзади, он надолго остановился, с неудовольствием разглядывая аппетитную попку. Стринги скользнули меж половых губок девушки, и потерялись в них, как будто пиздёшка закусилась тесёмку пухлыми губёшками и теперь активно слюнявила ткань — влага, затемняя тесёмочку, расползлась по голубеньким трусикам вверх и вниз.

— В монастыре говорят, что ты ввергаешь мужчин во грех, — сказал инквизитор пизде.

— Это ложь, святой отец! — проплакала в пол Лаура.

— О, нет! — отец-инквизитор продолжил обход дрожащего девичьего тела, скользя взглядом по изгибам точёной талии, округлостям выпирающей из-под тела груди, золотым локонам, так эстетично разлившимся по чёрному шёлку рясы и, конечно же, задерживаясь на сверкающих белизной круглых, упругих ягодицах. — Говорят, что ты соблазняешь их своим видом.

— Но вы сами закупили для нас рясы в секс-шопе, — ныла послушница.

— Правильно. Потому что ты должна каждую минуту осознавать, что порочна одним своим существованием. Самой своей плотью ты, женщина, — воплощённый грех!

— Но в этих рясах нас хотят все встречные мужчины!

— А ты всем своим видом, всем своим поведением, всем своим лицом должна демонстрировать, насколько непорочна, недоступна и свята! От тебя должно такой духовностью нести, чтоб мужики мигом опускали свой греховный орган!... Кхм. Я имел ввиду — глаза.

Он остановился перед девушкой:

— И в подтверждение моей правоты ты стыдишься смотреть мне в лицо. В глаза мне!

Лаура испуганно вскинула голову. Инквизитор задумчиво уставился на открывшиеся ему раздавленные о пол и упруго выпирающие груди, прямо в призывно темнеющую ложбинку между ними:

— Ну конечно... Как с таким блядским лицом вообще возможно показать мужикам святость?

— Но вы сами заставляете нас ярко краситься!

Инквизитор строго посмотрел на прекрасное курносенькое личико девушки.

— Правильно. Потому что Христова невеста должна красотой своей быть подобна ангелу. А ты учишь надменность изображать. Неприступность. А то горишь зелёными глазницами, аки кошка похотливая! А как ты ходишь, прости Господи?! Я видел, как ты вошла сюда поступью блудницы!

— Но вы же сами наложили на меня вечную епитимью «Высоких каблуков»! — вскричала голополая послушница, застывшая в колено-локтевой позе. — Чтоб я, испытывала неудобство при каждом шаге и не забывала, что хожу по грешной земле.

— Да, но я не учил тебя при этом вилять жопой!

— Но невозможно же на таких каблуках ходить по-другому! Только — ножка перед ножкой, ножка перед ножкой. Как манекенщица! Вы же сами научили меня так, когда ножки мои цепочкой сковали на три месяца.

— Я сковал тебя, чтоб ты не носилась, аки кобыла! Пять пар каблуков свернула! А они, между прочим, денег стоят! — инквизитор перевёл дыхание. — Монастырь полон слухов. Говорят, ты две недели соблазняла благочестивых мужей голой грудью!

Лаура аж задохнулась от возмущения:

— Но вы же сами наложили на меня епитимью «Стыда»! Две недели я должна была ходить, вывалив титьки в декольте, дабы все таранились, а я стыдилась. Потому что стыд и страдание очищают душу.

— Да, но в епитимье не было, чтоб ты руками сиськи всем под нос совала!

Послушница суксилась, пухлые губки её искривились, по тугим щёчкам снова потекли крупные прозрачные слёзки:

— У меня грудка очень тяжёлая... Болтается больно... Я держала, чтобы не болталась.

— Выпрямись, — приказал инквизитор.

Лаура тут же вытянулась на коленях и даже плечи развела — её огромные груди натянули чёрный шёлк до прозрачности. Четко проявились столбики сосков и околососковые пупырышки.

— Покажи, как ты ходила.

Застыдившись, девушка заалела и опустила веки; длинные, загнутые кверху ресницы её легли

на пол-щеки. Руки послушно скользнули в декольте. Груды были так велики, что вытаскивала она их наружу в три этапа. И вот они вывалились и свободно закачались — здоровенные, но по-юному упругие. Огромные розовые ореолы вытягивались в пуговицы сосочков и смотрели лишь чуть-чуть книзу. Лаура нежно взяла груди в руки (те словно упругое тесто, расплзлись в ладонях и меж пальцев) и протянула инквизитору, словно для поцелуя.

— Вот так.

Потом, словно на полочку, положила груди на согнутую в локте правую руку. Они тяжело свесились наружу.

— И вот так.

Инквизитор хмуρο кивнул своим мыслям:

— Воистину, женщина — главное оружие Сатаны.

Лаура покраснела сильнее и стала торопливо прятать сиськи в декольте.

— Оставь, — прервал её инквизитор. — Пусть тебе по-прежнему будет стыдно.

Лаура вынула спрятанные было полгруды обратно и смущенно отвернулась, заложив руки за спину, отчего титьки её красиво выпятились. Казалось, они тоже смущены и оттого смотрят сосками в стороны и чуть вниз. Инквизитор пожирал грудь послушницы пылающим тёмным взглядом:

— Презренная плоть. Вот чем искусила ты, грешница, ассенизатора Селивана.

Лаура вскинула на него огромные глаза и возмущённо воскликнула:

— Грешница?! Этот поддонок изнасиловал меня в сиськи! Он зажал меня за сараем, когда я шла по воду, вытащил грудь из декольте, стал тискать её, а потом схватил мои губки своим слюнявым ртом! Он засунул вонючий язык мне в самое горло! Потом поставил меня на колени, наплевал в ложбинку промеж сисек и засунул туда свой похотливый хуй! Я плакала, а он жёстко драл меня, безжалостно сминая мои большие груди. А потом залил мои нежные белые титочки своей липкой, пахучей мерзостью!

Инквизитор благосклонно кивал.

— А очнувшись, этот добрый человек в раскаянии прибежал ко мне. Я наложил на него епитимью — пять минут самобичевания и полчаса чтения учебника по квантовой физике. Думаю, душа его очистилась. Именно он открыл мои глаза на тебя, дочь греха!

— Ах он подлец!

— Дитя моё, — инквизитор развел руками. — Его донос во благо тебе самой, дабы я мог направить тебя на путь истинный, и ты засияла бы красивейшей звездой в божьей короне. Глаза Лауры гневно сверкнули, голос дрожал от сдерживаемой ненависти:

— А этот добрый человек не рассказал вам, что перед тем, как бежать сюда, привел ко мне, гологрудой и рыдающей, пятерых своих дружков? Как они мяли и трахали мои титьки, а потом заставляли облизывать от спермы свои вялые отростки?

Инквизитор нахмурился:

— Напиши мне имена этих недостойных, я сурово их накажу. Оставлю без обеда. Но ты должна быть благодарна им, Лаура, ибо для тебя то был великолепный урок смирения. Надеюсь, ты с честью провела его?

Лаура потупилась и прошептала:

— Да, святой отец.

— И ты была послушной?

— Да, святой отец. Я сама держала грудочки и водила ими по напряжённым пенисам

вверх-вниз или в разные стороны, как того хотели насильники.

— И ты поборол грех гордыни-брезгливости?

— Да, святой отец. Я тщательно обсосала члены всех пятерых. И я проглотила всё, что попало мне в рот.

— Думала ли ты при этом о вечном?

— О да! Мне казалось, это никогда не кончится.

Инквизитор благостно кивнул:

— Вижу, ты на верном пути к исправлению. Впрочем... — он ещё раз оглядел коленопреклонённую девушку: пухлые губки крошечного ротика, курносый носик, бездонные зелёные глаза, золотая чёлка из-под шёлкового монашеского плата, распущенные локоны золотом по чёрному волной обливают круглые плечи и тонкие руки, большущие груди упруго топорщатся, гордо взирая на мир огромными розовыми ореолами сосков, точёная талия, пухлый лобочек с нежной белокурой порослью в виде «дорожки», сеточка чулков оплетает стройные длинные ноги, что венчаются сексуальнейшими стриптизёрскими шпильками. — Впрочем, я не могу строго винить этих мужчин. Ни один не устоит при взгляде на невинность твоего прелестного лица и наготу твоей идеальной груди. Ты термоядерная секс-бомба, дочь моя. Ты губишь мужские души с расстояния взгляда. Увы, ты — создание Сатаны.

Вскрикнув, послушница закрыла лицо ладошками. Локти её стиснули грудки между собой, и налившиеся выдавленной плотью соски, казалось, изумлённо взирают на инквизитора.

— Да, — печально сказал он соскам. — Я вынужден сжечь тебя на костре.

Зарыдав в голос, Лаура обняла ноги инквизитора и стала покрывать поцелуями его ботинки.

— Нет, я обычная грешница! — рыдала она. — Сжальтесь! Я просто недостаточно умирала свою плоть! Я буду стараться! Я отрежу свои титьки!!!

— Я те отрежу! — взревел инквизитор и тычком ботинка оттолкнул послушницу. — Образ божий потерять решила?!

Лаура села на коленях (груды растеряно качнулись) и уставилась на него. Её продолжала бить мелкая дрожь, от чего нежные сиськи трогательно подрагивали и покачивались.

— Какой бог тебя создал, такой и ходи, — наставительно сказал инквизитор. — Впрочем, увеличить грудь — другой разговор. Ведь при беременности и кормлении груди растут.

Следовательно, силиконовые имплантаты есть дело богоугодное.

Лаура в недоумении посмотрела на своё вымя, ласково погладила эротические рассказы, взвесила на ладонях и подняла глаза на инквизитора:

— Куда уж больше-то?

— Да это я не о тебе, — отмахнулся тот. — Это я так, философствую для трактата.

Лаура шмыгнула курносым носиком, вспомнив свои перспективы.

— Увы, — развел руками инквизитор, — в тебя вселился бес. И я готов это доказать. ИТАК, слушай внимательно. Я — святой человек, я дал обет целибата. Следовательно, ни одна земная женщина не может вызвать во мне плотского желания. Следовательно, женщина, которая способна взволновать меня, обладает неестественной красотой. А поскольку плотское желание губит мою бессмертную душу, то красота её исходит от Сатаны. Следовательно, в неё вселился бес.

— Ах! — воскликнула Лаура. — Святой отец, вы желаете... меня?!

— Разумеется, нет! — поморщился инквизитор. — Я же не мужлан с ассенизаторской. Сатане

приходится потрудиться, чтоб я возжелал предложенную им женскую плоть, — он сделал шаг к прекрасной гологрудой послушнице, на ходу расстёгивая чёрный френч. — Изволь извлечь наружу мой мужской половой орган.

Лаура в ужасе прикрыла наманикюренными пальчиками вкусно напomaженные губки, что влажно разомкнулись от удивления.

— Но как можно, — пролепетала она, не отрывая сияющего взгляда от брюк инквизитора.

— Руками, — пояснил тот и подал вперёд бёдра, почти ткнув набухшей ширинкой послушнице в лицо.

— Ах, святой отец, вы вгоняете меня во грех, — Лаура торопливо расстегнула молнию и двумя пальчиками извлекла бледный, вялый, как оттаявшая сарделька, пенис инквизитора. Следом за ним из ширинки выпростались курчавые, рыжие волосы лобка.

— Ага! — послушница торжествуяще ткнула безупречным ноготком в вялый член. — Вы не желаете меня! Нет во мне беса!

Инквизитор покачал головой:

— Если бы я возбуждался от одного вида женщины, это означало бы, что ею владеет сам Дьявол. А значит — костёр без вариантов. Так что радуйся, что мой уд в поникшем состоянии. Теперь же давай определим силу овладевшего тобой беса, чтоб я мог понять, справлюсь ли.

— Ох, справитесь! — жарко заверила прекрасная девушка, приблизив очаровательное личико к самому пенису и продолжая смотреть в глаза мужчине.

— Открой рот, — велел тот.

Лаура мигом побледнела, чуть отстранилась, но не осмелилась послушаться. Её открытый рот напоминал густо напomaженную букву «О», внутри томно блестел слюной подрагивающий розовый язычок.

Инквизитор взял свой вялый член и неторопливо внёс во влажную полутьму ротика юной послушницы. Положил на язык.

— Закрой рот.

Нежные губки легко и трепетно сомкнулись вокруг пениса.

— Теперь молись.

Лаура послушно забормотала латинские слова канона набитым ртом. Язычок её струился по — и вокруг инквизиторского члена, рот непроизвольно наполнился слюной. И вдруг она с ужасом почувствовала, как орган священника набухает и увеличивается в размерах. Девушка испуганно замерла, а инквизитор торжествуяще извлёк толстый, сверкающий от влаги член, вытянувшийся параллельно полу; от налившейся головки к полным губкам Лауры тянулась жемчужная ниточка слюны.

— Вот видишь! Есть в тебе бес! По счастью, он не очень силён, но и не то чтобы слаб. Слабому бесу приходится долго прилагать усилия, дабы проявить себя. В тебе же... Хм, пожалуй, это демон. Смогу ли я изгнать его? Или не утруждаться и предать это тело огню?..

Лаура зарыдала, заголосила и страстно обняла его колени.

— Ладно-ладно. Не реви, — инквизитор брезгливо отстранил от себя деву. — Есть способ. Моё личное ноу-хау.

Он присел на корточки и положил ладонь на пухлый лобок послушницы. Отодвинув тесёмку стрингов, средним пальцем он стал наглаживать щель между сомкнутыми гладенькими, нежными большими половыми губками.

— Но ответь мне сначала: ты прошла обряд инициации?

— Да, — заплаканная девушка закивала, и налитые титьки её кивали синхронно. — Монахини выбрали самую длинную и толстую свечу. Вогнали с размаху. Моя девственная кровь улила всю келью.

— Хорошо, — палец инквизитора мигом скользнул в чуть влажное нутро. — Грязная дыра, — закатив глаза, вдруг прошептал он и облизнулся. — Ворота Сатаны. Скажи мне, Лаура, повторяла ли ты опыт со свечой?

Девушка отвела глаза и прошептала:

— Нет.

— Лжёшь. При упоминании свечи твои выделения потекли по моей руке, — палец инквизитора нашёл шершавенькую точку J и задвигался по ней. Вагина мгновенно ответила ему влагой.

— В смысле, я не сама, — плаксиво заговорила Лаура, двигая тазом синхронно движениям пальца инквизитора. — Девочки-соседки не любят меня за мою красоту. Они при каждом удобном случае валят меня на спину, заставляют засос целовать их пиздёшки, а сами засовывают в меня всевозможные предметы.

— Ты что-то чувствуешь в тот момент?

Лаура посмотрела на него, как на имбецила:

— Конечно, чувствую! Оргазм.

Инквизитор вздохнул и извлек из неё палец, обильно испачканный вагинальными выделениями:

— Вот так и вошёл в тебя бес. Подруги вкачали тебе его. Дьявол, запомни, всегда приходит через пизду. Как ни странно — и к мужчинам то же.

Он старательно вытер пальцы золотыми локонами Лауры.

— Есть один способ, моё личное изобретение. Но этот способ очень силён, и если вдруг не поможет, то тебе придётся взойти на костёр без всяких разбирательств и вторых шансов.

Согласна?

— Ой, согласна!

— Хорошо, — решился инквизитор. — Слушай сюда. Чего точно не переживёт бес?

Однозначно — Небес. Стоит вознести тебя на Небеса, как бес самовольно выйдет вон и падёт в бездну.

— То есть всё-таки костёр, — заныла Лаура. — Как иначе вы вознесёте меня на Небеса?

Инквизитор отечески улыбнулся и потрепал Лауру по юной, упругой щеке:

— Есть один способ вознести тебя на Небеса, не отрывая от грешной земли. Но сначала ты должна покаяться.

Послушница радостно закивала:

— Я очень каюсь!

— Ну тогда заголяй попку!

Лаура мигом повалилась грудями на пол, одновременно обеими руками задирая юбочку, и прогнулась, красиво оттопырив гладкие, круглые ягодицы. Инквизитор взял со стола тонкий длинный стек с кожаной лопаточкой на конце, прицелился и шлёпнул девушку по попке. Та сладострастно вскрикнула. Тонкая тесёмка стрингов не могла полностью скрыть попкину дырочку, а меж полных половых губок терялась совсем. Еще пару раз стегнув упругую лаурину попку, инквизитор стал шлёпать кожаной лопаточкой по пиздёшке, бормоча под нос:

— Богомерзкое отверстие... Рот дьявола... Порочная дырка...

И вдруг он кинулся к жопке юной послушницы, обхватил её ладонями и жадно зарылся лицом в промежность. Тесёмка стрингов мешала, инквизитор перекусил её и влажно зачавкал молодой пиздой.

— Ах! — воскликнула Лаура, подаваясь жопкой ему навстречу. — Святой отец, что вы творите?!

— Что надо, то и творю, — невнятно ответил тот. — Кайся давай.

— Ах, как я грешна! — с придыханием и постанываниями начала послушница. — Я так виновата перед всем мужским племенем, за то, что у меня такое прекрасное лицо, и густые золотые волосы; что мои ягодицы круглы и сексуальны, а грудь моя такая большая и идеальная! Ах, простите меня, мужчины, за то, что вожделеете меня. Простите и за то, что, недостойная, не проявляю должного смирения и смею сопротивляться, когда вы тискаете меня по углам!..

Инквизитор, только что с рычанием вылизывающий её, вскочил на ноги и, нанеся еще пару ударов стеклом по вздрагивающей раскрасневшейся плоти, задыхаясь, приказал:

— Теперь подставляй титьки, ибо этот твой орган соблазняет мужчин первым.

Лаура послушно выпрямилась и подняла руки, соединила ладошки над головой, потянулась. Тяжелые груди её, покачиваясь, поднялись, чуть вытянулись, превратив розовые ореолы в сексуальные нолики, и застыли в ожидании справедливой порки. Инквизитор пару раз шлёпнул их, припечатывая лопаточкой пока не пройдут по плоти желеобразные волны, а потом схватил груди руками и зарылся меж них лицом, слюняво вылизывая и потирая соски большими пальцами.

— Ах, святой отец, — сладострастно воскликнула девушка, — что вы такое делаете со мной?!

— Готовлю к обряду, — ответил он и обильно увлажнил слюной соски, а потом принялся мелко махать лопаточкой стека перед левым. Прохладный ветерок по мокрой ореоле заставил ту собраться складочками и пупырышками. Сосочек напрягся и потянулся к стеклу. Лопаточка стала теревить по нему сверху и снизу.

— Вот тебе, вот тебе, вот тебе... — шёпотом приговаривал инквизитор. — Вот так!

Потом вдруг вобрал глубоко в рот сосок и ореолу второй груди и больно укусил. Лаура вскрикнула. Инквизитор встал на ноги и чуть успокоился.

— Теперь положи сиськи на руки, как на полочку.

Лаура послушно завела ручки под груди и подняла их, красиво сблизив локтями. Инквизитор принялся шлёпать титьки по соскам и, с оттяжкой, по верхним полушариям. Нежная плоть сладостно трепетала под ударами и покорно тянулась следом за стеклом. Пенис инквизитора грозно торчал над титьками, вытянувшийся и раздувшийся. Поняв, что больше он уже не станет, инквизитор отбросил стек и перевел дух.

Нажав тайную пружину, он отодвинул массивный книжный шкаф. Открылся небольшой альков в тёмно-синих тонах; почти весь его занимала огромная мягкая кровать. Инквизитор сел на её край и широко раздвинул ноги.

— Ползи сюда.

Лаура послушно засеменила к нему на коленях, большущие груди её волнительно раскачивались из стороны в сторону. Оказавшись меж ног священника, она замерла, преданно глядя ему в глаза своими огромными зелёными глазищами.

— Для обряда мой половой орган должен быть очень большим и очень твёрдым, — сказал

инквизитор. — Поэтому ты должна как следует облобызать его.

Лаура в сомнении посмотрела на эрегированный, подрагивающий член, на набухшую, полностью высвободившуюся от крайней плоти багровую головку и спросила:

— А разве он может стать ещё больше?

— Оставь разговоры! — прикрикнул инквизитор. — Соси давай!

Лаура вздохнула, увлажнила пухлые губки язычком, сложила их уточкой и потянулась к члену. Тот, вздрагивая в предвкушении, потянулся навстречу губам. Губки коснулись головки вокруг самой её дырочки, чуть замерли, чувственно двигаясь, а потом Лаура медленно и сладострастно наделась головой на член инквизитора. Тот задрал голову и закатил глаза, а Лаура медленно двигалась по стволу вверх и вниз, в лёгкой, изысканной ласке; острый язычок её играл с уздечкой члена и шейкой его у самого основания головки, слюна обильно стекала по яйцам, которые Лаура игриво щекотала острым маникюром, второй рукой при этом наяривая часть ствола, что не влезала в её маленький ротик.

Какое-то время священник наслаждался этой изысканной лаской, потом зарылся узловатыми пальцами в золотые волосы под монашеским платком и стал контролировать движения головы. И вдруг насадил на себя голову Лауры до упора. Носик девушки щекотно погрузился в его лобковые волосы. Член упёрся в глотку, но не проскользнул внутрь, а болезненно загнулся. Девушка протестующе замычала и закашлялась. Он отпустил её. Лаура отпрянула, села на пятки и возмущенно уставилась на него, тяжело дышащая и перепачканная слюнями. — Дай мне титьки! — велел возбуждённый инквизитор.

Послушница не посмела возразить и подала ему груди руками. Инквизитор больно схватил её за соски и притянул к себе, затащил, охающую, на себя, зарюхался лицом меж огромных грудей и стал тереть их, нежные, о свою трёхдневную щетину, при этом тыкая членом в девичью промежность, стараясь, но не попадая.

— Нельзя же так, — возбуждённо шептала ему Лаура, ловко направляя ухоженными пальчиками толстенный хер в свою пиздёшку.

Член нырнул в её хлюпающее нутро. Лаура охнула и, сильнее вжимая голову священника в свои мягкие, чувствительные титьки, стала в бешеном темпе двигать жопкой — чтоб клитор тёрся о жёсткие лобковые волосы инквизитора. Чуть не задохнувшийся священник вынырнул из глубин сисек и, отдышавшись, с рычанием повалил девушку на спину в мягкую постель, на шёлковую тёмно-синюю простыню. Сжал руками прекрасное личико девушки, а локтями — её большие титьки, и принялся яростно долбить её, охающую, членом.

— Вот тебе, бес! — приговаривал. — Вот тебе! Вот тебе!

— Да! Да! Да! — отвечал ему бес грудным девичьим голосом. — Ещё, святой отец! Ещё!

Наслаждаясь ощущениями расплюснутых по грудной клетке огромных девичьих сисек, инквизитор катался на них взад-вперёд, как на шарах.

В этот момент дверь распахнулась и в кабинет вбежала старшая послушница Кристина. Знойная мулатка, Кристина обладала непослушной копной иссиня-чёрных волос, пышно выбивавшихся из-под монашеского плата, огромными, черными, как ночь, глазами, которые всегда густо красила и очень полными, вывернутыми наружу губами, в несколько слоёв покрытыми порочно-бардовой помадой. Грудь её была достаточно большой, лишь где-то на размер меньше, чем у Лауры, зато жопка — самой круглой и упругой во всём монастыре.

— Святой отец, — заявила она с порога, — мне нужна помощь. В меня вселился бес.

Вывалив в декольте большие смуглые сиськи с тёмно-тёмно-коричневыми ореолами и

крохотными сосочками, она стремительно ворвалась в альков.

— Но дочь моя, — не слезая с Лауры, попытался возразить опешивший инквизитор, — я как бы занят...

— Вижу, — отрезала Кристина. — Вы справитесь с нами обеими, я вас знаю.

Решительно спихнув священника с послушницы, она наделась полногубым ртом на его вздыбленный член, сразу на всю глубину, и замерла так. Член инквизитора привычно скользнул Кристине в глотку, и она стала делать специальные глотательные движения, чувственно стимулируя шейку сразу под головкой, губы её при этом пускали прихотливую волну, лаская основание члена, а язык обрабатывал ствол и, периодически высовываясь наружу, щекотал священнику яйца. Инквизитор развёл руками растерянной Лауре:

— Сама понимаешь, не могу я отказать страждущей. Ибо сказано: просящему о помощи да воздашь! — и надолго закатил глаза.

Кристина же, не снимаясь с члена, стала всё чаще с интересом поглядывать на Лауру, которая, возбуждаясь от их секса, одной рукой натирала себе пиздёшку, а другой теребила сосок. Взгляд Кристины становился всё более плотоядным.

— А ничё так у тебя тёлочка, — отстранившись от священника, Кристина медленно, неотвратимо потянулась к съёжившейся блондинке, облизывая чувственные губы. — Аппетитная. Ноги раздвинь, ссыкуха.

Заскулив, Лаура сжала колени да ещё и стиснула на промежности ладошки. Глаза Кристины гневно замерцали, потянувшись, как пантера (жопа её при этом вкусно оттопырилась, а твёрдые сиськи потянулись вперёд), она сильно ударила Лауру по щеке раскрытой ладонью. Лаура тонко вскрикнула и, заплакав, развела ноги. Обнажилась нежная, стеснительная пиздёшка. Кристина, урча, присосалась к ней своими невероятными губищами. Оскалившийся инквизитор, глядел на это и яростно дрович огромный хуй. Хныканье Лауры перетекло в постанывания.

— Ну вот, а ты не хотела, дурёха, — по-отечески пожурил её инквизитор, пристраивая пенис к малым губкам Кристины, непристойно вывернутым наружу, словно тёмная капуста. Ему показалось, что они недостаточно мокрые, и сев на колени, инквизитор всосал половые губёшки в рот, потрепал и пожевал их, запихал слюни языком во влагалище, после чего легко засунул хуй в хлюпающую пизду мулатки. С огромным удовольствием он трахал Кристину, глядя сверху на смуглое сердечко её жопы, а мулатка тем временем страстно вылизывала извивающуюся от наслаждения блондинку.

— Блядь, — заявила вдруг Кристина, оторвавшись от лауриной вульвы, — ахуенные сиськи. Я хочу тебя!

И, сладострастно облизнувшись, она полезла на Лауру, сунула лицо меж её грудей, стиснула их и с глухими стонами исцеловала всю нежную плоть, куда дотянулась, особенно уделяя внимание розовым ореолам и соскам, которые засовывала глубоко в рот и вылизывала; её слюни обильно стекали по нежным округлостям младшей послушницы. Приятно удивлённая Лаура благожелательно взвизгивала. Нацеловавшись, Кристина легла на неё, грудь-на-грудь, своими ногами раздвинула ноги Лауры — инквизитору открылись две лакомые, сочащиеся желанием щёлки, непристойная смуглая и скромненькая бледная — и принялась страстно целовать в губы. Лаура с удовольствием отвечала. Сверкающая слюна лилась на щёки девушек.

Инквизитор пристроился меж их ног и стал поочерёдно трахать своих послушниц. От мощных фрикционных движений, Кристина каталась по Лауре на грудях, словно на двух парах упругих шаров, как в цирке.

В эту минуту двери кабинета распахнулись и к ним прокралась мать-настоятельница — тётка на грани «бабки», лет шестидесяти, с нереально наштукатуренной физиономией.

— Святой Отец, мне нужна помощь, — елеиным голосом заявила она, глядя на их ошарашенные лица, облизнулась и принялась вытаскивать в декольте дряблые молочные железы. — В меня вселился бес.

— Нет в тебе беса! — отрезал инквизитор. — Я со ста метров вижу. Изыди!

Гневно плюнув в их сторону, мать-настоятельница гордо вышла вон.

— Достала нимфоманка, — посетовал священник, не прекращая фрикционных движений.

— Что-то я на полпути к Небесам зависла, — деловито сообщила Кристина. — Святой отец, вы же помните, что возношусь я через анальный секс?

— Конечно, возлюбленная дочь моя, — доброжелательно закивал инквизитор и, вынув из неё член, начал плевать девушке в анус.

— Ну так вставляй уже! — рявкнула Кристина. — А ты, шалава, лижи мне пизду!

— Почему она так говорит? — громко прошептала инквизитору перепуганная послушница.

— Это не она, это бес из неё говорит, — пояснил инквизитор, прицеливаясь хером в шоколадный глаз Кристины. — Вот побывает на небе, и снова станет ангелом. Сама увидишь.

Инквизитор начал мерно накачивать Кристину в жопу. Та ритмично охала. Вздохнув, Лаура подползла по стоявшую в доги-позиции товарку. Её красивое личико появилось меж смуглых бёдер мулатки. Пухлые, нежные губки накрыли развратную пизду старшей послушницы и чувственно задвигались. Прямо над глазами Лауры раскачивались мужественные, здоровенные, волосатые яйца святого отца, и периодически девушка оставляла вагину Кристины и принималась страстно целовать и вылизывать эти суперские яйца.

— Чё-то шалава халтурит, — заявила Кристина. — Давайте-ка сменим позу.

Она перекадилась на спину, подняла и широко развела стройные прямые ноги. Малые губки, мокрые и блестящие, свешивались из пизды прямо на зияющий анус. Чуть поиграв с ними головкой члена, инквизитор вогнал хуй Кристине в жопу.

— Прошмандовка, соси мне клитор! — велела старшая послушница. Младшая послушно перегнулась через её живот и принялась посасывать твёрдый и длинный эрегированный клиторок. Инквизитор быстро, размашисто трахал кристинин анус. Мулатка сначала шумно дышала, потом начала стонать, потом схватила Лауру за волосы и завозила красивым лицом по своей мокрой промежности. Стоны её переросли в крики, и вдруг, выматерившись, Кристина оттолкнула своих партнёров ногами (они чуть кубарем с кровати не полетели) и, бешено натирая пизду и вопя, стала кончать в диких конвульсиях. Лаура смотрела на неё в ужасе. Инквизитор подставил набухшую головку к пухленьким, невинным лауриным губкам. После кристининой жопы от пениса плохо пахло и появился... привкус, но Лаура старательно и нежно обсосала его, трепетно работая языком внутри и пальцами по яйцам. Пусть она не обладала кристининым навыком «глубокой глотки», но зато оказалась мастерицей «изысканного минета». Прикрыв глаза, инквизитор наслаждался ею, пока Кристина не утомилась оргазмировать и, отдышавшись, не пропела тоненьким, смиренным голоском: — Спасибо вам, святой отец. И тебе, сестра, спасибо. Вы вновь спасли меня от Дьявола. Простите мне непристойное поведение моё, ибо не владела я собой в тот момент.

Облегчённо заплакав, Лаура кинулась к ней, обняла и страстно впиалась поцелуем в огромные кристинины губы. Пользуясь случаем, инквизитор пристроился к её оттопыренной жошке и стал сношать мокрую пиздёшку. Когда Лаура чуть отстранилась от Кристины, чтобы отдышаться, та сказала:

— Смею надеяться, теперь, когда губами моими владею я сама и ангелы небесные, я могу доказать, что райские ласки намного превосходят адские.

— Да, сестра моя! — возбужденно воскликнула Лаура, подмахивая инквизитору жопой, и вновь припала к её губам в длинном, мокром французском поцелуе.

Священник, оскалившись в бешеном ритме трахал её. Это длилось... и длилось... и длилось.

— Святой отец, — наконец, озабоченно сказала Кристина, — может быть, у неё, как и у меня, путь к Небесам лежит через жопу?

— Давай попробуем, — с сомнением сказал священник.

Они поставили Лауру в колено-локтевую. Кристина скользнула под неё и запустила опытный язычок меж пухлых лауриных губок, между делом прихотливо сплетя ноги над золотоволосой головой младшей послушницы и уткнув её личиком в свою промежность, тем самым тонко намекая, что желает ответной ласки. Инквизитор осмотрел булавочно-узкую дырочку перепуганной лауриной попки. Решившись, он сунул пальцы ей в пизду, и вынул их наружу хорошо увлажнённые влагалищными выделениями и кристининой слюной. Сначала он вращательным движением ввёл в анус девушки указательный палец. Девушка застонала сквозь прикушенную губу. Погладив нежные стенки кишки, инквизитор ввёл второй палец и выполнил несколько фрикционных движений, разводя пальцы в стороны. Лаура заскулила, но кишка выделила смазку. Решив, что попка дилатирована достаточно, инквизитор сунул пенис в мокрую пизду Лауры, потом — в слюнявый рот Кристины, а потом принялся вдавливать набухшую багровую головку в узенькую попкину дырочку. Лаура визжала и билась, и вырвалась бы, если бы Кристина не держала её за жопу и не кусала бы больно клитор при особенно сильных рывках. Наконец, член инквизитора продавил сфинктер, и начал двигаться, наслаждаясь эластичным, тонким анальным колечком. Лаура ревела, кричала и вырывалась.

— Дочь моя, — озабоченно сказал священник, — я не пойму. Ты тащишься... или как?

— Больно! Больно мне, блядь! Больно!!! — завизжала в ответ Лаура.

Священник со вздохом вынул хуй и сказал выглядывающей меж белых лауриных бёдер Кристине:

— Я так и знал. Похоже, Господь покарал эту грешницу фригидностью, дабы навсегда закрыть ей путь в Небеса.

Глаза Кристины сладострастно вспыхнули:

— И что теперь, костёр?!

И она стала гладить плачущую Лауру дрожащими, жадными руками, воображая, как это тело облизывает пламя.

— Есть одна мысль, — охладил её священник. — Грешница сказала, что испытывает приятственные ощущения, когда в неё всякую дрянь пихают. Вылезай-ка из-под неё, а то, боюсь, помешаешь.

Оставив Лауру в колено-локтевой, и даже дополнительно пригнув к кровати, инквизитор раздвинул её смущённые пухлые большие губки и крохотные, тряпошно-рваные малые, ввёл внутрь два пальца. Девушка напряжённо застыла, мгновенно готовая зареветь и соскочить.

Неторопливо, нежно инквизитор потрепал упругую шейку матки с кругленьким пупочком посредине, потом почесал шершавенькую точку «J» и длинно погладил заднюю стенку, примыкавшую к кишке. Пиздёшка благодарно ответила обильными выделениями. Тогда инквизитор добавил внутрь третий палец, плотнее заполнив влагалище, а там и завёл всю ладонь, ребром. Оставшийся снаружи большой палец энергично обрабатывал Лауре клитор. Девушка томно стонала и подавалась навстречу ладони. И тогда инквизитор свел все пять пальцев щепотью и осторожно засунул в мокрую, струящуюся пиздёшку. Лаура закричала, но подалась назад, вобрав в себя всю ладонь и сомкнувшись губками на узком запястье инквизитора. Внутри у неё было очень тесно, и священник сжал пальцы в кулак, потом начал потрахать и вращать им — сначала осторожно, но всё более и более распаяясь.

Уткнувшись лицом в простыни, Лаура подвывала, и вдруг запрокинулась:

— Блядь! Блядь! Да! Не останавливайся, блядь! Да, сука, да!

Вожделенно наблюдавшая всё это Кристина пристроилась в колено-локтевой рядом с Лаурой:

— Я тоже так хочу!

С ней инквизитор так не церемонился, сразу сложил пятерню щепотью и вращательным движением вогнал в мокрое влагалище по запястью. Кристина издала грудной, почти звериный, вопль. Священник возбужденно смотрел, как две прекрасные девушки, надетые, словно марионетки, пиздами на его кулаки, кричат и бьются в волнах подступающего оргазма. Кончили они одновременно — спрыгнув с его рук, уткнулись мордашками в кровать и кричали туда, натирая себе клиторы. Священник стоял над ними и любовался двумя парами круглых, гладких ягодиц — смуглой и беленькой — красиво оттенёнными синим шёлком простыней.

Отдышавшись, Кристина скосила глаза на его здоровенный, вздыбленный член.

— Благослови нас, святой отец, — хрипло попросила она, и потянулась к члену. — А я помогу.

— Нет, дочь моя, ты свое благословение сегодня уже заслужила. Ты очень мне помогла. Пусть теперь наша заблудшая овечка заслуживает.

Лаура непонимающе хлопала зелёными глазами.

— Слышала, овца? — Кристина пихнула её в плечо. — На спину падай.

Лаура послушно перевернулась (груды её свесились по обе стороны тела) и развела ноги, открыв истерзанную, покрасневшую вульву. Инквизитор взобрался на девушку, тонкие пальцы Кристины помогли ему войти в неё. Собрал титьки, он стал мять и целовать их, активно работая тазом. Лаура тихонько постанывала, скрестив ноги на его спине и глядя по волосам руками. Нацеловавшись, инквизитор сел у её ног стал размашисто трахать, глядя, как мотаются во все стороны большие белые сиськи. Кристина поймала их за соски и стала сильно выкручивать, заставляя Лауру вскрикивать и хныкать. Но ничего не помогало — инквизитор чувствовал, как член его становится мягким. Это же почувствовала и Лаура.

— Святой отец, — робко сказала она, — мужчинам нравится трахать меня в сиськи. Может и вам это доставит удовольствие?

— При чем здесь моё удовольствие? — хмуро ответил инквизитор, выйдя из неё и устраивая полусидя в подушках у самой спинки кровати. — Это ритуал изгнания беса, какое тут может быть удовольствие? — он сел на живот девушки, дважды смачно плюнул в манящую межсисечную ложбинку и, взяв титьки в руки, растёр слюну между ними. — Мне, если хочешь знать, происходящее вообще противно и отвратительно, — он положил меж грудей подрагивающий от нетерпения хуй и сомкнул титьки вокруг него. — Но я обязан помогать

страждущим. Это мой долг, — и запрокинув голову, он начал неторопливые фрикции, наслаждаясь ощущениями волнующейся нежности, в которой двигался член. Словно трахаешь облако. Словно трахаешь рай.

— Благодать зарабатывают благодарностью, — пробормотал он в потолок. — Давай, благодари меня.

Лаура с сомнением поглядела на него и сказала:

— Ой, спасибочки, святой отец, даже не знаю, чего бы без вас делала.

— Простота хуже воровства, — вздохнул священник. — Поступки важнее тысячи слов!

— Ртом благодари, дура! — перевела Кристина.

Лаура понимающе улыбнулась раскрыла губки и зарылась личиком в свои пышные груди, что колыхались под мощными толчками отца-инквизитора. Горячая головка его члена стала нырять в её влажный ротик, навстречу остренькому, игривому язычку, и это было так приятно, что не прошло и полминуты, как священник выхватил член из нежного титечного плена и крепко сжал ствол под головкой:

— Девочки, кажется, благодать пошла!

— Подождите, святой отец, — строго сказала Кристина. — Благословение — дело такое, к нему нужно подготовиться. Лаура, быстро ко мне!

Пальчиками она стёрла размазавшуюся помаду вокруг губ девушки, карандашиком прошлась по их пухленькому контуру и густо наредила малиновой помадой, а сверху не пожалела блеска, потом пробежалась щеточкой с пудрой по щекам юной послушницы. Отстранилась и улыбнулась довольная результатом: фарфоровая кожа девушки словно светилась изнутри, чётко очерченные губы нежно розовели и сверкали.

— Теперь ты — мне, — и подставила лицо.

Лаура быстро привела личико мулатки в порядок, только помаду использовала тёмно-бардовую.

— Значит так, — продолжала поучать Лауру старшая подруга, пока они устраивались на коленях у ног инквизитора, — титьки задерёшь к подбородку, нельзя потерять ни капли благодати! Рот сильно не разевай, это вульгарно. Слегка приоткрой, чтоб таинственно и влажно темнел. Губки — уточкой. В глазах — просьба, потому что ты — просительница и не забывай об этом. Поехали.

Девушки синхронно подняли на инквизитора умоляющие глаза, и он задохнулся от их красоты: коленапреклонённые, гологрудые, задравшие сиськи к самим лицам, так что нежные ореолы, казалось, тоже просят его о благословении, с влажно сверкающими приоткрытыми полными губами, из-под платков, обнимая плечи, струятся волосы — золотые у одной и иссиня-чёрные у другой. Зарывав, инквизитор отпустил головку, и член его начал фонтанировать пахучей жемчужно-белой спермой. Сперма густыми струями падала на щёки девушек, на губки, залетала в ротики и стекала на подставленные груди. Залив послушниц благодатью, священник упал в ворох простыней навзничь.

— Титьки не отпускай, — велела Кристина, — еще ничего не закончилось.

И вдруг ласково улыбнулась Лауре, наклонилась к её лицу и старательно, будто мама-кошка, облизала щёки, глаза, губы девушки, а потом в глубоком поцелуе передала собранную сперму ей в рот.

— Теперь ты, — мулатка подставила своё красивое лицо.

Лаура потянулась к нему и старательно втянула губками каждую белую капельку с чёрных ресниц, потом вылизала щёки и пышные губы Кристины. Девушки снова поцеловались, чтоб Кристина могла принять собранную Лаурой благодать.

— Теперь сиськи.

Лаура наклонилась к большим, смуглым, прохладным грудям Кристины с тёмными-тёмными здоровенными ореолами, зарылась в них личиком и облизала, потом поцелуем передала добычу подруге.

— Ох! Ты снова вся перепачкалась, грязнуля! — Кристина заново обцеловала лицо Лауры и занялась её грудью — так как её титки были уже почищены, она отпустила их свободно болтаться, и забрала лаурину роскошь в свои руки.

Это могло продолжаться бесконечно.

— Лаура, — позвал священник. — Ползи сюда.

Девушка, послушно болтая сиськами, подобралась к нему и скромно села на коленки.

— Надо проверить, успешно ли изгнан бес, — строго сказал инквизитор и указал на свой перепачканный спермой вялый пенис. — Лобызай.

Лаура покорно склонилась над его ногами и вобрала письку в рот, тщательно обсосала, не забыв язычком почистить под крайней плотью. Член болтался во рту вялой сосиской.

— Вот видишь, — торжествуя поднял палец инквизитор. — Твоя красота больше не вызывает у меня плотского желания, следовательно, беса в тебе больше нет! Схемка-то работает!

Лаура засмеялась и захлопала в ладоши.

— Но ты не обольщайся, — тут же посуровел инквизитор. — Бесы любят возвращаться в однажды приютившее их тело. Придёшь ко мне завтра после обеда, и я тебя заново проверю, — священник с полз с кровати. — Ладно, вы тут предавайтесь сестринской любви, а мне надо продолжать работать.

Девушки мгновенно рухнули в постель, переплели стройные ноги, расплющили друг о дружку большие сиськи и стали гладиться и влажно целоваться. Инквизитор вышел из алькова, привел в порядок одежду и потянулся. В эту минуту двери распахнулись и в кабинет, на бегу вынимая юные, упругие грудочки, вбежали две стройняшки, младшие послушницы.

— Святой отец, — наперебой зашебетали они, — нам срочно нужна помощь! В нас вселились бесы!

Священник хмуро оглядел их стоячие двочки и проворчал:

— Что-то устал я сегодня зло забарывать. Повелеваю: Дьявол, изгони себя сам!

Красавицы переглянулись и в недоумении уставились на него огромными глазами.

Инквизитор вздохнул:

— Падайте в шестьдесят девятую и вылизывайте друг дружку до самых Небес.

Послушницы заулыбались и, задрвав мини-юбочки ряс, упали на ковёр прямо где стояли, переплелись, словно кошечки, зарылись личиками между стройных ножек и, постанывая, захлюпали сочными пиздёшками. На кровати целовались и хихикали две полногрудые богини. В кабинете инквизитора настала идиллия.

Улыбнувшись хорошо выполненной работе, он сел за массивный письменный стол, достал золотой «паркер» и под аккомпанемент женских вздохов и всхлипов продолжил трудиться над богословским трактатом «Секзорцизм: теория и практика»

